

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №13 ГАЗЕТА

Лебединая песня джигита / Мужские истории

Духовный мост во времени

О творческом вечере поэта Константина Скворцова в Московском Доме национальностей

Региональная общественная организация «Челябинцы» оказывает действенную поддержку своим землякам в Москве. Исполнительный директор РОО Мария Гарелина считает, что работая в одной команде, можно не затеряться в многомиллионном мегаполисе и показать вклад малой родины в историю и культуру страны. Литература — наиболее важный вид искусства, потому что воздействует на эмоциональную сторону жизни. Землячество предложило отметить 82-й день рождения Константина Скворцова в торжественной обстановке в Московском Доме национальностей.

Большая часть жизненного пути поэта и драматурга Константина Скворцова прошла на Южном Урале. В самом начале Великой Отечественной войны вместе с семьей он эвакуировался в город Златоуст. Школа и драмкружок в Златоусте, потом ВУЗ и работа на трубопрокатном заводе в Челябинске. Первые поэтические и драматические произведения Константин Скворцов сложил, занимаясь в литобъединении при заводе. Вместе с ним возвращали свой талант поэты Валентин Сорокин и Вячеслав Богданов под чутким руководством мастеров пера Людмилы Татьяничевой и Бориса Ручьева. Позже Константин Скворцов переезжает жить в Москву, но не теряет крепкой духовной связи с малой родиной. Он был последним рабочим секретарем Союза писателей СССР.

Председатель Союза писателей России Николай Иванов считает, что Скворцов проложил духовный мост, шагнув из литературы второй половины двадцатого века в сегодняшнее литературное простран-

ство. Скворцов дружил и творчески сосуществовал с такими классиками отечественной литературы, как Валентин Распутин, Владимир Крупин, Станислав Куняев, Владимир Костров. Он напитался их словом, но не потерялся в хоре

уникальных голосов словесности, смог донести до нас ту атмосферу вдохновения, радости творчества.

Как символ причастности к когорте писателей, а также в знак уважения, Н. Ф. Иванов подарил на творческом вечере герою торжества флаг Союза писателей.

Своими впечатлениями о совместных со Скворцовым литературных десантах по миру поделился писатель, лауреат первой Патриаршей премии Владимир Николаевич Крупин. Признательность поэту выразили члены Союза писателей Алексей Полубота, Ольга Блюмина, Нина Дьякова, Виктор Сошин, Николай Машкин, заместитель главного редактора «Роман-газеты» Елена Русакова, композитор Борис Зиганшин.

На стихотворения Константина Скворцова написаны десятки песен, которые исполняли и исполняют лучшие голоса России: Людмила Зыкина, Иосиф Кобзон, Та-

В. Н. Крупин

Окончание см. на 3 стр. обложки.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:

Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный
редактор
Елена Русакова

Права

на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат

ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2021

Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2021 № 13 /1882/ Основана в 1927 г.

Лебединая песня джигита Мужские истории

Леонид Татарин

Трояк

Покупая на рынке арбуз в конце сентября, заметил, что стоящий рядом незнакомый мужик внимательно смотрит на меня. Когда я повернулся к нему, он сказал мне с серьезным видом:

— Да, Леонид, арбузы ты так и не научился выбирать. И меня ты не узнаешь. Видно, сильно изменился с тех пор, как мы вместе работали матросами на БМРТ «Аметист». А мы с женой узнали тебя сразу.

— Володя Полешук?

— Это у меня кличка была такая. А вообще-то я — Володя Трояк. И работали мы с тобой трюмными матросами шесть месяцев посменно, восемь через восемь часов в Центральной Атлантике. Перетаскали сотни тонн мороженой рыбы.

— Узнал я тебя только по голосу. А внешность... Тогда ты был простым деревенским парнем из глухой белорусской деревни, а сейчас тебя можно принять за профессора!

— До профессора я не дотянул, а вот кандидатскую защитил. Преподаю математику в КТИ, теперь — технический университет. Но всё это благодаря стараниям моей Дарьюшки! — Рядом с ним стояла симпатичная женщина, по виду моложе Володи.

— Может быть, ты наконец познакомишь меня со своей женой?

— Давай, Леонид, ещё раз познакомимся, — с улыбкой вступила в разговор его жена. — Сорок лет, — конечно, достаточный срок, чтобы забыть, что когда-то ты был единственным гостем на нашей свадьбе.

— Лиля?... Да, по глазам я вас узнал. И улыбка прежняя...

— Что же мы здесь стоим среди рынка? Володя, приглашай Леонида к нам в гости. Кстати, тогда мы обращались на «ты» — если нет возражений? Живём мы рядом — пять минут пешком. А Лилей меня раньше называли... очень давно — не нравилось моё деревенское имя Дарья...

Выбрав при помощи Володи огромный арбуз, расплатившись, через несколько минут мы зашли в небольшую двухкомнатную квартиру, в которой почти сорок лет назад я был единственным гостем на свадьбе, казавшейся мне тогда ненастоящей, какой-то прозрачной.

Составитель сборника прозы Лидия Сычева.

Возвращаясь после шести месяцев тяжёлой работы на траулере «Аметист» в районе Гвинейского залива у берегов Гамбии, Сенегала, мы, здоровые двадцатилетние матросы, жившие в одной каюте, конечно, мечтали о хороших встречах в Калининграде, об интересных приключениях, об отдыхе. На время перехода от Дакара до Калининграда нас с Володей поставили на руль на вахту третьего штурмана Славы, с которым мы за рейс сдружились. За несколько дней до прихода в порт он с радостью сообщил нам, что получил радиограмму — жена родила ему сразу двоих сыновей, а профком выделил ему трёхкомнатную квартиру в новом доме. Зная, что мы с Володей оба холостые, что в Калининграде нас никто не встречает, Слава попросил нас помочь перевезти семью из рыбацкого общежития в новую квартиру.

Ошвартовавшись у причала рыбного порта в шесть утра, к вечеру мы с Володей уже привезли из магазина новую мебель, которую Слава купил, получив приличный аванс, и прямо из роддома — жену с двумя сыновьями — сразу в новую квартиру! А на следующий день, в воскресенье, он пригласил нас на новоселье.

С утра, поискав по магазинам и сложив наши авансы, мы с Володей купили подарок — коляску для двойни. Проезжая мимо рынка на такси, я попросил шофёра подождать пять минут, пока куплю арбуз, а Володя остался в такси. Когда я вернулся, он сообщил мне новость:

— Вот, шофёр такси, Николай, предлагает нам снять недорого двухкомнатную квартиру с мебелью — его друг уехал с семьёй в загранкомандировку на Кубу на три года. Всего за пятьдесят рублей в месяц. Единственное условие — никого не водить в квартиру и поддерживать чистоту и порядок. Но мы ведь с тобой не алкаши! Я согласен. А ты? По двадцать пять с носа — это нормально.

Заехали во двор нового дома рядом с рынком, поднялись на третий этаж. Квартира Николая оказалась на одной лестничной площадке с квартирой, которую он нам предлагал. Заглянув буквально на минуту, мы сразу заплатили Николаю за месяц вперёд. Его жена Нина аккуратно выписала из наших паспортов все сведения, дала нам две пары ключей, и мы поехали к Славе.

Приехали точно в назначенное время — в два часа дня, но никого из приглашенных гостей ещё не было. Жена Славы, Зина, очень обрадовалась подарку — коляска оказалась великолепной:

— Ребята — огромное вам спасибо! Слава, сходи к Лиле — пусть они не ищут коляску. Пусть приходят сейчас. И соседей позови — мы с ними познакомились вчера и договорились вместе отмечать новоселье.

Пока Слава ходил за Лилей и к соседям, мы с Володей помогали Зине распаковывать и размещать мебель, а она, поминутно заглядывая в другую ком-

нату, где спали новорожденные богатыри, успела нам рассказать, что с Лилей они работают вместе в школе — обе преподают математику. Лиля уже десять лет замужем, но детей у них нет. Муж, большой начальник, винит во всём её. У соседней дочь в этом году закончила десять классов, но уже с большим животом. Скоро рожать, а от кого — никто не знает. Девочка очень умная, школу закончила с серебряной медалью, но некрасивая — замужество ей явно не светит. Правда, родители из этого трагедии не делают — сами запретили делать аборт.

Видно было, что Зина находится в очень возбужденном состоянии. Роды, приход мужа из рейса, получение квартиры, новоселье — сейчас ей нужен хороший отдых, а не гости. И мы с Володей попытались с извинениями уйти, но она удержала нас. Понимая, что поток информации обо всём сразу — это своеобразная разрядка для неё, мы внимательно слушали и помогали во всём, что только было в наших силах.

Через полчаса Слава привёл Лилю с мужем Андреем Петровичем. Ожидая почтенную, строгую «училку» тридцати лет, мы с Володей даже растерялись, увидя худенькую, изящную и очень красивую девочку, на вид не старше восемнадцати.

Володя, похоже, даже потерял дар речи и постоянно смотрел на Лилю. Так маленькие дети не могут отвести глаз от понравившейся им игрушки.

Андрей Петрович оказался интересным, высоким красавцем с благородной сединой в висках, лет около сорока. Очень остроумный, общительный, приятный собеседник — душа общества. Ещё раньше от Зины мы узнали, что он декан факультета математики в пединституте. Они принесли подарок для новорожденных — два комплекта красивого детского белья — жуткий дефицит в те времена. Как потом выяснилось, эти комплекты у них были давно куплены в надежде на своих детей.

Когда накрыли стол, пришли соседи — Кирилл Иванович и Зоя Петровна. Оба врачи детской областной больницы, с цветами и подарками. На вопрос, почему не взяли с собой дочку, ответили:

— Стесняется своего внешнего вида.

Тогда Зина, с их разрешения, пошла к ним и, буквально за руку, привела девочку с заметно выдающимся животом. Скромная, с длинной толстой косой, с веснушками на лице. Явно не красавица. Первым к ней бросился галантный Андрей Петрович, сразу взявший тон хорошего преподавателя со студенткой:

— Оксана, прекратите стесняться! Дело житейское! Вы — просто прелесть!

Когда сели за стол, он сел рядом с Оксаной. С другой стороны, рядом с ним сидела его жена, но всё внимание и всё своё красноречие он посвящал только Оксане, совершенно не обращая внимания

на Лилию. Володя сидел напротив Лили и глаз не отводил от её лица.

Андрей Петрович сразу взял на себя роль тамады и исполнял её с блеском. Тосты следовали один за другим, шутки и анекдоты поддерживали хорошее настроение. За общим весельем никто не обращал внимания, что кроме Зины, часто отлучавшейся к малышам, совершенно трезвыми остаются Лилия и Володя, наливая себе лимонад вместо вина. Ничего не пила Оксана. Глядя на это странное веселье, я тоже только касался губами рюмки. Андрей Петрович, довольно быстро захмелев, начал допускать излишества в своём почтении к Оксане — поцеловал её руку и попытался погладить по животу.

Лилия тихонько попробовала остановить его:

— Андрюша, нам пора домой. Мы обещали тебе маме зайти к ней.

Но в ответ — явная грубость:

— Отстань, зануда, хоть здесь дай отдохнуть!

Вмешалась в разговор Зина:

— Андрей Петрович, у вас такая красивая жена, грешно её обижать!

— Кто красивая? Моя жена? Да она — как лошадь без хвоста! Вот где красавица! — Он указал на Оксану. — А всем её обидам вместе с нею цена — трюк, не больше!

В это время с побелевшим лицом встал со своего места Володя. Вынув из кармана три рубля, он протянул их Андрею Петровичу.

— Что это такое? — удивлённо спросил тот, пьяно улыбаясь.

— Вы сами назвали цену. Я покупаю, — с трудом шевеля губами, сказал Володя.

Андрей Петрович, взяв деньги, купеческим жестом, наверное, считая это удачной шуткой, взял жену под локоть, с шутовским поклоном произнёс:

— Забирай! Отдаю!

Лилия растерянно посмотрела на свою подругу Зину, встала со своего места и, словно на деревянных ногах, медленно подошла к Володе:

— Пойдём.

Повскакивали со своих мест Зина, Слава, соседи:

— Лилия, прекрати! Это уже переходит всякие границы!

— Он меня продал за три рубля. Я ухожу с этим молодым человеком.

Но Андрей Петрович продолжал весело улыбаться с пьяной удалью:

— Да не держите вы её! Дайте человеку хоть раз в жизни проявить свою волю!

Володя, решительно оттолкнув руки, пытавшиеся удержать Лилию, заботливо, как жене, подав плащ, взял её за руку, как школьницу, и она послушно пошла за ним. Когда за ними закрылась дверь, я, извинившись перед хозяевами и их гостями, тоже ушёл. На улице, пытаясь догнать Володю с Лилей, увидел,

что они сели в проходившее с зелёным огоньком такси и уехали. Я потихоньку побрёл в рыбный порт на «Аметист». Решил переночевать в своей каюте, хотя у меня в кармане лежали ключи от квартиры, которую мы с Володей сняли утром. Там я — третий лишний.

На следующий день утром на штурманскую вахту заступал Слава. Он сказал мне, что после нашего ухода Андрей Петрович устроил грандиозный скандал, обвиняя их с Зиной во всех смертных грехах, требуя вернуть ему жену. Правда, соседи-врачи быстро сумели его успокоить — дали какую-то таблетку, сделали укол и увели к себе. Там он и проспал до утра, а утром снова пришёл к Славе с извинениями и с просьбой помочь ему наладить отношения с женой.

После обеда я решил сходить на квартиру, которую мы с Володей сняли вчера. Как только я постучал в дверь, мне сразу открыл Володя.

— Знакомься с моей женой. С сегодняшнего дня я — женатый человек. Мы знали, что ты придешь, и ждали твоего прихода. Сегодня у нас свадьба. И ты будешь и свидетелем, и единственным гостем на нашей свадьбе.

Через сорок лет мы втроём снова оказались в той самой квартире. Только теперь я узнал всю историю семьи моего товарища-матроса. Оказалось, что в паспорте у его жены, с которой они официально оформили отношения, стояло имя Дарья. Андрею Петровичу, который тогда был преподавателем пединститута и женился на красивой студентке, не понравилось деревенское имя, и он решил назвать её Лилией.

После памятного новоселья у Славы он много раз пытался вернуть жену и отстал только тогда, когда узнал, что скоро она будет рожать ребёнка для Володи. Тогда они и оформили развод. Володя стал официальным мужем, а Лилия снова стала Дашей, по странной прихоти судьбы получив фамилию Трюк.

Через девять месяцев она родила прекрасного сына, потом ещё двоих сыновей. Даша не разрешила Володе больше ходить в море. Уговорила его поступить в КТИ на судомеханический факультет. У него неожиданно проявился интерес и способности к наукам.

Вернувшись с Кубы, хозяева квартиры, в которой жили Володя с Дашей, купили себе дом на зелёной окраине города, а эту квартиру продали им за символическую цену. Сейчас их сыновья уже взрослые, живут своими семьями. И, хотя Даша почти на десять лет старше Володи, но внешне она даже сейчас выглядит значительно моложе его — счастье красит людей. На стене я увидел три больших фотографии юностей, удивительно похожих на молодого матроса Володю с БМРТ «Аметист».

Чашка какао

Группа курсантов Ленинградской мореходки с Каменного острова прибыла в Таллин в июне 1961 года после окончания второго курса для практического освоения знаний, полученных в училище.

Мы считали себя уже опытными моряками, так как в прошлом году три месяца ходили под парусами на баркентине по Балтике и получили свои первые морские удостоверения. Кто сдал экзамены и отчёты за практику на 5 баллов, получили удостоверения матросов 1-го класса, на «4» или «3» — матросов 2-го класса. Несколько человек не смогли сдать экзамены — кое-кто боялся высоты и не смог бегом подниматься по вантам на тридцатиметровые мачты, бегать по реям, некоторые испугались морской болезни, тяжёлой работы, частых ночных авралов...

В результате из 78 юношей, поступивших на первый курс судоводительского факультета, после парусной практики на баркентине «Кропоткин», в училище продолжили обучение 50 человек. Мне повезло — морская болезнь меня не тронула, высоты не боялся, к тяжёлой работе привык в белорусской деревне в колхозе, да и памятью Бог не обидел.

С удостоверением матроса 1-го класса я прибыл на СРТ (средний рыболовный траулер) «Сыру» эстонского УЭЛа (Управление экспедиционного лова). Единственно, чего мы все опасались, что нас могут взять на траулер не матросами, а практикантами — всем нам нужны были деньги. Практиканты получали только стипендию курсантов — три рубля в месяц.

Но наши опасения оказались напрасными — в эстонском УЭЛе постоянно не хватало матросов — поступало много новых траулеров. Работать в море было некому, и нас сразу назначили на должности.

Отработав полный рейс — четыре месяца — в Северном море на промысле селёдки, курсанты считали себя уже настоящими морскими волками. Пришли в порт Таллин в конце октября, получили зарплату за рейс. Все курсанты должны были уехать в Ленинград — закончилась практика, пора возвращаться в училище. Но капитан, Николай Петрович Леонтьев, начал уговаривать нас сходить ещё в один рейс — ему очень понравились исполнительные, старательные, непьющие матросы.

Вместе со мной решили остаться на второй рейс Толя Ковалёв и моторист Андрей, тоже курсант нашего училища, который учился на механика. Остальные убыли в Ленинград продолжать учёбу. Мы, конечно, опасались, что нас могут отчислить из училища — четыре с лишним месяца пропуска занятий нам могли не простить. Но нужны были деньги, а зимой в Северной Атлантике селёдка, по рассказам старых, опытных рыбаков, ловится хорошо, капитан заверил нас, что зарплата будет достойная. Перед такими обещаниями мы дрогнули...

Стоянка в порту предполагалась короткая, так как судно было новое — сходило только один рейс и никакого ремонта не требовало. Начальник УЭЛа предупредил капитана, что мы должны выйти в море до Октябрьских праздников. Правда, старые рыбаки, которых направили вместо улетевших в Ленинград курсантов, с кривой ухмылкой предупредили, что в рейс судно выйдет только после праздников — все моряки будут гулять в ресторанах, а без старых, опытных матросов на промысле делать нечего!

Сразу после оформления прихода портовыми властями началась выгрузка рыбы из трюмов и погрузка снабжения, топлива, продуктов на следующий рейс

Четвёртого ноября, сменившись с вахты, мы с Толей Ковалёвым решили побродить по Таллину, поднялись на Вышгород. Зашли в красивую церковь, думая, что это музей. К вечеру в храме никого не было. К нам незаметно подошёл молодой, стройный священник: «Молодые люди, вы находитесь в храме — надо снять головные уборы». Мы сняли фуражки, извинились, объясняя, что не поняли, что зашли в действующую церковь.

Наш собеседник рассказал, что его зовут Алексеем Михайловичем Ридигером и что недавно его назначили епископом Таллинским. Поговорив минут пять об истории создания этого храма, батюшка предложил благословить нас перед выходом в опасный рейс в Северную Атлантику. Мы отказались от такой чести, так как не верили ни в какую религию.

— А во что же вы, молодые люди, верите? — спросил священник.

— Верим в Бога, но не верим ни в попа, ни в ксендза, ни в муллу, ни в чёрта, ни в дьявола, — весело, без малейшей иронии ответили мы.

После таких наших слов я подумал, что нас немедленно выгонят из церкви, но:

— В день праздника Седьмого ноября у нас в храме будет проводить службу Патриарх Всея Руси — приходите! Удачи вам, ребята! — очень спокойно сказал Алексей Михайлович и проводил нас из храма, заметив наше желание поскорее удалиться.

Мы решили, что придём обязательно, если не выйдем в море — походы по ресторанам, «по девкам» нас не привлекали. Все деньги, заработанные в рейсе, мы уже отправили своим родителям.

Потом, обсуждая этот случай, мы пришли к выводу, что поп очень интеллигентный и выдержанный, достойный уважения человек.

Вечером пятого ноября, сменившись с вахты у трапа, я пошёл в город — меня позвал старый рыбмастер, чтобы помочь ему купить личные запасы на рейс. Оказалось, что он накупил в основном водки — в море встретит Новый год! — и я должен помочь принести покупки в порт.

Смеркалось.

Возвращаясь на судно по улице Пикк, у небольшой гостиницы он заметил, что на крыльце в нерешительности стоят три девушки.

Передав мне свои сумки, рыбмастер, которому было лет сорок, распустил хвост, как павлин. Узнав, что они приехали с Урала по профсоюзным путёвкам, он предложил девушкам провести их в порт, показать рыболовный траулер. Девушки согласились. Подойдя к проходной, рыбмастер шепнул мне: «Задержи их здесь, а я приготовлю три каюты и стол». А девушкам:

— Подождите пять минут — договорюсь, чтобы нас пропустили через проходную порта!

Когда он ушёл, я сразу спросил девушек:

— Вы понимаете, зачем вас ведут в порт?

— На экскурсию! Мы ведь из глухой деревни изпод Перми — после школы два года работали на ткацкой фабрике в городе, чтобы заработать стаж и потом поступить в институт. Ничего не видели, а тут так интересно!

— Вас постараются напоить водкой, а потом будут насиловать — вот и вся романтика!

Напуганные барышни, рванули от проходной порта, как настоящие спринтеры.

Через несколько минут прибежал рыбмастер:

— Всё готово! Договорился! А где девки?

— Я рассказал им, зачем ты их ведёшь в порт...

Рыбмастер полез на меня с кулаками, но мне удалось остановить его пыл решительным ударом в нос — драться меня научили ещё в детстве.

На следующий день с утра нас уже не отпустили в город — снабженцы заканчивали загрузку на судно сети, оборудование, продукты. Полным ходом шла бункеровка топливом, питьевой водой. Капитан прибыл на судно к обеду и сказал, что в 18.00 выход из порта закрывается боновыми заграждениями, противолодочными сетями, и к этому времени наше судно уже должно быть на рейде, за пределами порта. У соседнего причала, который назывался «Минная гавань», стоял крейсер «Киров», порядки в порту были очень строгие.

В 16 часов, когда закончили погрузку снабжения, прибыл наряд пограничников для оформления выхода судна и экипажа в море. При проверке оказалось, что из восьми матросов на судне в нормальном состоянии, готовы к рейсу, только мы с Толей. Остальные, опытные, старые морские волки, в хорошем подпитии демонстративно ушли с борта:

— Выйдем в море после праздника!

Но отдел кадров УЭЛа был готов к такому обороту — через полчаса на судно привезли курсантов Таллинской мореходки с вещами и полностью готовыми документами. Молодые ребята-эстонцы с удовольствием согласились поработать матросами на промысловом судне четыре месяца, совмещая учёбу

с работой. Впереди небольшой группы курсантов выступил бравого вида невысокий крепыш лет под тридцать, в бушлате, матросской бескозырке. Узнав, что на причале стоит капитан, чуть не строевым шагом подошёл к нему и доложил:

— Товарищ капитан! Группа курсантов-судоводителей мореходного училища в количестве четырёх человек под моим командованием прибыла по направлению отдела кадров УЭЛа. Старшина второй статьи Котляр! Мечтаю поскорее рыбку поймать, заработать детишкам на молочишко! Я семь лет служил на флоте — работы не боюсь!

Закончив оформление документов, портовые власти и пограничники ушли с борта, оставив у трапа одного пограничника, который уже никому не разрешал выходить на берег. Провожаящим на причале стоял только начальник УЭЛа Галкин — следил, чтобы никакие неожиданности не помешали выходу траулера в море. Родственников в порт не пропустили — все прощались у проходной порта.

На борт прибыл лоцман, подошёл небольшой буксир, на который мы с бака подали стальной конец, береговые матросы сбросили с кнехтов наши швартовы, и мы отошли от причала.

Мне пришлось стоять на руле. На баке командовал боцман, но он был настолько пьян, что всеми работами по уборке швартовых концов пришлось руководить Толе Ковалёву.

Лоцман вывел нас за ворота порта, буксир сбросил наш трос, который Толя с двумя эстонскими курсантами быстро выбрал на борт. Лоцман, пожелав нам удачи, сошёл на буксир. Капитан, Николай Петрович, ушёл с мостика — он тоже был заметно выпившим. Через несколько минут ушёл с мостика и третий штурман, пригрозив мне кулаком:

— Смотри мне тут! С фарватера никуда не сворачивай!

Подошёл Толя Ковалёв, с которым мы вдвоём решили отойти немного от порта и держаться на видимости маяков острова Найссаар, не мешая другим судам. В машинном отделении Андрей обеспечивал работу главного двигателя и всех механизмов. Все остальные рыбаки, включая эстонских курсантов, отмечали праздник. Надеялись, что в полночь на вахту заступит второй штурман, но его мы не смогли разбудить. В четыре утра начинается вахта старпома, но он тоже не смог подняться. Только выдал фонтан ругани: «Куради пойс! Куради райск...» (Чёртовы пацаны! Чёртова пададь! — эстонские ругательства), — пришлось нам с Толей стоять на мостике вдвоём.

К обеду на мостик поднялся капитан. Ему было двадцать шесть лет. Рост под два метра. Огромные кулаки и навыки боксёра помогли — быстро поднял штурманов, механиков, боцмана, матросов, заставил всех работать. Нас с Толей отпустил отсыпаться,

а траулер пошёл через Балтийское море, проливы Зунд, Каттегат, Скагеррак в Северное, потом в Норвежское море.

Через шесть суток мы уже выметали сети недалеко от острова Ян-Майен. Первый улов оказался отличным — около двадцати тонн сельди засолили, забондарили в бочки, погрузили в трюм.

Иногда приходилось работать без отдыха по два-три дня. Для нас эта работа была привычна, но бравый старшина второй статьи Котляр через неделю пошёл к капитану, взмолился:

— Чует моё сердце — не выйти мне отсюда живым! Отпустите меня домой!

— Ты же мечтал поработать! Семь лет на флоте?

— Николай Петрович, я семь лет играл на кларнете в гарнизонном Доме офицеров... Это считалось моей службой на флоте... А в море я вышел первый раз — не думал, что мне придётся работать матросом

Как ни пытались заставить его работать, ничего не получилось — залезет в уголок в трюме, сидит и плачет, как мальчишка. Пришлось его отправить на попутном судне в Таллин.

Время за тяжёлой работой шло незаметно и быстро. Приближался Новый год. У нас заканчивались продукты, питьевая вода.

Тридцатого декабря на промысел должен был прибыть траулер из Таллина. Он доставлял нашему экипажу посылки и свежие продукты, у нас рыба ловилась очень хорошо, и капитан решил заняться хозяйственными работами только после обеда 31 декабря.

Ветер заметно утих, но шла довольно крупная волна. Шлюпок тогда у средних рыболовных траулеров не было. Капитаны договорились, что все 18 наших посылок аккуратно уложат в полиэтиленовые мешки, забондарят в сельдяные бочки и, связав между собой длинными капроновыми тросами, опустят на воду. Траулер отойдёт, а мы подойдём к бочкам и поднимем их к себе на борт. На соседнем траулере немного замешкались. Пока бочки опустили за борт, начало темнеть — за Полярным кругом светлого времени днём не больше часа. Мы начали светить прожекторами: «Бросайте скорее! Новый год на носу!»

В ответ: «Мы уже бросили! Ловите!» — и отошли, чтобы не мешать нам.

Искали мы свои посылки до полуночи. Около десятка траулеров пытались помочь нам.

Так и не нашли.

Новогодний стол стараниями шеф-повара Вити Зайцева был богат — по кружке какао на каждого рыбака.

Только через день мы смогли подойти к плавбазе «Иоханнес Варес», получить продукты и питьевую воду.

Возвратились в Таллин в конце февраля 1962 года.

По пути нас основательно потрепал ураган в Северном море — волнами выбило иллюминаторы в

ходовой рубке, залило электроприборы, с палубы смыло за борт около десяти тонн сельди в бочках. А в Балтике, в дополнение к сильному ветру, ещё и мороз минус 15 градусов — сильнейшее обледенение. Оборвало антенны, не успевали скалывать лёд с палубы — еле зашли в порт Таллин.

В училище нас уже собирались отчислить — пришлось идти «на ковёр» к начальнику училища, который согласился оставить нас при условии, что мы без промедления сдадим все экзамены за третий курс на пятёрки.

Сдали.

Получили дипломы.

И заработок был хороший — я смог купить дом в белорусской деревне для своих родителей.

Александр Щербаков

Плач по Чёрному Тому

Среди многочисленных прозвищ, на которые мне приходилось откликаться в детстве, пожалуй, самым безобидным было Чёрный Том. Более того, я втайне гордился им, ибо получил его от литературного героя, созданного с моим участием и сыгранного мною на школьной сцене.

Надо сказать, что из всех видов самодеятельности в нашей школе особой популярностью пользовалась драма. Все учителя, во главе с директором Иваном Ивановичем, были заядлыми артистами и ставили одну за другой пьесы Островского. Не отставали от них и мы. Правда, большие драматические полотна были нам не под силу, поэтому мы обычно разыгрывали отрывки из пьес или же сцены из повестей и романов всех времен и народов, а то и цельные рассказы, поэмы и басни, инсценируя их по своему разумению.

Случалось, что сочиняли пьески и сами. Во всяком случае, мне приходилось не однажды заниматься драмодельством, по просьбе товарищей. И я, может быть, единственный среди пишущей братии, кто начинал не со стихов и рассказов, а с одноактных стихотворных пьес.

Помнится, классе в пятом или шестом я написал пьесу об... американском негре. Судя по имени героя, доньне памятного мне, произведение мое появилось на свет не без влияния популярной тогда книги Бичер Стоу «Хижина дяди Тома». Однако это не было прямым заимствованием. Из газет и школьных уроков мы тогда очень много знали о невыносимом положении негров в Америке и сочувствовали им. Бесправие и нищета цветного населения, пре-

следуемого куклуксклановцами, гонимого акулами капитализма, были нам до боли близки. Это видно даже из начальных строк моей пьесы:

Черный Том из штата Оклахомы
Жил в халупе с крышей из соломы...

Я, признаться, не был уверен, что в далеком американском штате бедняки кроют крыши ржаной соломой, но по личному опыту я знал, что в наших местах они делают именно так. Притом в голодную пору ранней весны нередко раскрывают их и скармливают соломенную прель коровенке, чтобы поддержать ее до первых проталин.

Словом, при всей кажущейся отдаленности избранной темы, она была самой животрепещущей для сибирского села и недаром получила горячий отклик в сердцах зрителей. Аплодисменты до сих пор шелестят в моих ушах, точно крылья голубиной стаи, взлетевшей от выстрела из рогатки. Мне лишь осталось неизвестным, кому рукоплескали больше — драматургу или ведущему артисту, которых я счастливо совместил в своем лице в тот давний вечер.

Да, заглавную роль Тома пришлось играть мне. На репетициях, помнится, предлагались и другие кандидаты, может быть, более талантливые, но все они скромно отказывались от такой чести, как только узнавали, что играть надо не простого Тома, а Черного, для чего, как минимум, следует вымазать физиономию сажей или, положим, ваксой. В полном соответствии с реалистическим методом.

Что ж, искусство требует жертв. И я с готовностью пошел на эти жертвы. Другие могли уклониться под благовидным предлогом, но автору деваться некуда, ему надлежит нести свой крест до конца.

И вот накануне представления, едва я прибежал из школы, мои сестры Валя и Марфуша с терпеливым усердием стали делать из меня негра. Сперва они подыскали рваненький заграничный пиджачок в крупную клетку, трофейный, присланный отцом из Германии в конце войны, потом — короткие штаны-дудочки, из которых я давно вырос, и огромные солдатские ботинки с подковками. На голову мне надели старую отцовскую шляпу, зеленоватую и волнисто-морщинистую, точно коровья лепеха. Когда я облачился во все это и подошел к зеркалу, то увидел перед собою скорее смехотворного Буратино, чем печального Тома из американского штата.

— Охламон из Оклахомы, — сострил я, но сестры не оценили моего каламбура.

Им было не до шуток. Они всерьез увлеклись созданием обездоленного негра. При этом им приходилось больше полагаться на фантазию, чем на знания и опыт. Негры, как вы понимаете, в сибирских деревнях не водятся, во всяком случае, не водились в те еще дорыночные времена.

Собственно говоря, большинство таскинцев видело в жизни единственного негра, заезжего циркача, который на нашей клубной сцене ложился голой спиной на битое стекло, вставал босыми ногами на угли, тлевшие в широком бельевом тазу; протыкал спицами ладони и ушные мочки, а в заключение программы помощник сельского кузнеца Максим Кокуров молотом разбивал на его груди кирпичи с одного удара. Это был настоящий негр, широконосый и кудрявый, но все же он был нашим, советским негром, и одежда его была советской, даже почти комиссарской — он носил каракулевую шапку и кожаное пальто под широким ремнем. Творить же американского угнетаемого негра приходилось, повторяю, в основном по наитию.

Внимательно осмотрев меня со всех сторон, сестры остались довольны маскарадным одеянием и перешли к перевоплощению моей, так сказать, плоти. Известно, что все негры в мире черноволосы и кудрявы. К счастью, я тоже имел достаточно темные волосы, и не понадобилось перекрашивать их. Однако Бог не дал мне кудрей. И хотя мои запущенные вихры создавали известное впечатление общей кудлатости, однако принять их за настоящие кудри, а тем более — негритянские, можно было лишь при определенной доле фантазии. Но сестры были, как и я, социалистическими реалистками и добивались полного соответствия образа окружающей действительности.

Поскольку никаких там фенов и прочего электрооборудования нынешних модниц тогда еще не было, а применить папильотки не представлялось возможным из-за недостатка времени, оставалось прибегнуть лишь к плойке. Для непосвященных поясню, что это были такие длинногубые щипцы, одна губа которых представляла собой желобок, а другая — входивший в нее круглый стержень. Плойку нагревали, зажимали в ней пучок волос — и в считанные минуты между желобком и стержнем рождались кудри, мелкие и упругие, чисто негритянские.

При всей незатейливости своего механизма плойка была большой редкостью на селе. Накануне праздников она обычно передавалась из дома в дом, обслуживая целый околоток. На нее занимали очередь. А самые нетерпеливые и модные деревенские девки чаще всего, не гоняясь за плойками, пользовались обыкновенным гвоздем-двухсоткой, так же накаляя его и накручивая на него свои локоны, подобные древесным стружкам из-под фуганка. Но у нас, слава богу, плойка водилась, поскольку в доме были две девки на выданье, и мне не грозил пещерный гвоздевой метод кудрезования.

Усадив меня поближе к русской печке и нагрев в загнете длинногубую плойку, сестры быстро и ловко обработали мою голову, превратив щетинистые лохмы в пружинистые кольца. Правда, раз или два они

прихватывали волосы перекаленной плойкой слишком низко, так что я взывал от боли и слышал запах горелого копыта, но терпел и прощал им эти оплошности, ибо, повторяю, тогда уже понимал, что искусства без жертв не бывает. Зато кудри мои вышли на славу. Когда мне поднесли зеркало, я не без удовольствия отметил, что стал немного похожим на юного Пушкина. Стоило ли такую красоту покрывать старой зеленой шляпой? Да и сестры посоветовали мне выходить на сцену простоволосым.

Теперь оставалось, чтобы уже окончательно уподобиться негритянскому сверстнику из Оклахомы, вымазать лицо чем-либо черным. Здесь возникли некоторые прения. Марфуша, работавшая прицепщицей в тракторном отряде, предлагала, не мудрствуя лукаво, насмолить физиономию дегтем или нигролом, который довольно легко смывается керосином. Валя же, конторская счетоводка, особа, так сказать, более цивилизованная, настаивала на смеси вазелина с сажей, цвет которой более-де соответствует натуральному и которая вообще не нуждается в смывании — достаточно протереть лицо тряпкой. В конце концов сошлись на саже с вазелином и уже нанесли пробные мазки на лбу и щеках, но тут запротестовал я, вдруг живо представив, как пойду чумазый через всю деревню. Люди меня могут принять за рехнувшегося, а собаки наверняка разорвут штанины, даром что они узкие и короткие. В итоге решено было заготовить смесь дома и принести ее в школу, чтобы загримироваться перед самым выходом на сцену, как это делают настоящие артисты.

Собственно говоря, никакой такой сцены в нашей школе не было. А был просто довольно широкий и длинный коридор, который перед представлением на две трети заставлялся скамейками и стульями для зрителей, остальная же часть без всяких подмостков превращалась в импровизированную сцену для выступающих. Не было и кулис. Артисты появлялись прямо из дверей седьмого «Б» класса, расположенных позади сцены, в торце коридора. Чтобы всем было видно, на первые ряды сажали ребятню из младших классов, а старшеклассники и родители располагались в средних и задних рядах. Если какой-то артист был слишком малоросл либо по ходу действия присаживался или ложился на пол, то сидевшие в задних рядах вставали с мест и даже поднимались с ногами на скамейки, чтобы лучше разглядеть из-за голов происходящее на сцене.

И вот наконец наступил вечер того памятного дня. Все было готово к представлению. Прибыв в школу в нормальной одежде, я быстро переоделся в «костюм» — облачился в кургузый клетчатый пиджачок — дыра на дыре, натянул узкие штаны-дудочки и солдатские бахилы. Кудри мои стояли высокой копной. Лицо лоснилось от сажи, смешанной с вазелином, на черном фоне жемчужной белизны бле-

стели зубы и посверкивали в сумеречном свете ламп вдохновенные глаза.

В полной боевой готовности прохаживались по седьмому «Б» классу и мои помощники — Ванча Теплых, Витька Пугачев, Вылка Григорьев, Валька Гужавина, Ирка Глушкова... Ребята были в своих обычных залатанных рубашках и пиджачишках, но в высоких шляпах-цилиндрах и с хлыстами в руках; девчонки — в белых ситцевых платьях, если и не в новых, то в свежестырированных, аккуратно подштопанных, и тоже в шляпах, но не в цилиндрах, а в широкополых, блинчатых, сделанных из жесткой бумаги и раскрашенных в яркие цвета.

Все они должны были изображать американских богачей, праздную публику, чтобы резче подчеркнуть социальный контраст между надменными белыми эксплуататорами и бесправным Черным Томом, загнанным в угол жестокими плантаторами и куклукс-клановцами. Моя постановка, собственно, была неким моноспектаклем, театром одного актера. Лишь я произносил сквозной монолог и слова от автора, сопровождая их определенными действиями, остальные же были статистами, по сути, имели немые роли, если не считать нескольких жалких реплик, часто ограниченных междометиями. Ходом пьесы им предписывалось появляться только в некоторых местах моего монолога и прохаживаться по сцене парами и поодиночке, разыгрывая зевающих сытых бездельников. В основном — молча. На репетициях у них все выходило довольно правдоподобно, за исключением разве того, что общепризнанный школьный комик Ванча Теплых иногда пересаливал. Представляя спесивого буржуа, он так задирает нос, при этом брезгливо оттопыривая нижнюю губу, что даже сами артисты прыскали в ладони, теряя важность и чопорность. Однако мои трагические нотки и испепеляющие взгляды скоро возвращали моих товарищей к сути драмы.

Насчет публики мы не волновались. О готовящемся представлении знала вся школа и ждала его с нетерпением. Я уже говорил, что постановки пьес были любимым зрелищем моих земляков. Не подвели нас зрители и в этот раз. Народ всех полов и возрастов стал собираться еще за полчаса до спектакля, а когда я перед самым началом, отдав последние указания труппе, заглянул в замочную скважину, то увидел, что зал был не просто полон, но буквально забит до отказа, и хотя на сцене еще никого не было, в задних рядах уже многие стояли, как и в проходах.

Насладиться созерцанием зрительских масс мне, увы, помешал неизменный конференсье Петька Юркин, старшеклассник, который вдруг распахнул дверь передо мной — и я невольно предстал перед публикой в неприглядной позе. По залу прокатился смех, и все захлопали, требуя нашего выхода.

Первым вышел на сцену Петька Юркин и зычным голосом объявил, что начинается спектакль